

Сознание неизменности своих чувств по отношению к близким по сложной системе ассоциаций рождает мысль о вечности. Но эта мысль взрывается страшным, диссонирующим мотивом: человек смертен, а вместе с его «телесностью» гибнет мысль, чувство, сознание.

Это противоречие становится для Радищева источником душевного страдания, рождает желание допустить, хотя бы в воображении, что полного уничтожения человека нет, что беспредельность мироздания родственна и его природе. Вот почему, завершая систему материалистических, естественнонаучных доказательств смертности души, Радищев «вооружается», по меткому слову Пушкина, против самой неопровержимости приведенных им аргументов.

«О, ты, доселе гласом моим вещавший, тиран лютейший, варвар неистовый, хладнокровный человеконенавидец, изыскательнее паче всех мучителей на терзание! Жестокостию твоею и зверством ты превышаешь Тиверия, Нерона, Калигулу, всех древних и новых терзателей человечества! Чем свирепствовать могли они над беззащитною слабостию? Могущество их простиралось на мгновение токмо едино; владычество их за жизнь не заgrabляло. Терзанию, болезням, изгнанию, заточению, всему есть предел непреборимый, за которым земная власть есть ничто. <...> Конец дней несчастного есть предел злобе мучителей и варварству осмеяние. Но ты, простирая алчнотерзательную твою десницу за кончину дней моих, не мгновенного лишаешь меня блаженства, не скоропретекающего радования, не веселия брэнного и скоролетящего. Подавляющая меня твоя рука тяжелее гнетет увядающее сердце, нежели все тяжести земные, свинец и золото и чугун» (II, 96). Так в сознании Радищева отрицание бессмертия души ассоциируется с образом «тирана ненавидца». Начало третьей книги, спокойное по тону, исполнено не меньшего драматизма: «Доселе, возлюбленные мои, я, собирая все возможные и употребительные доводы, смертность души утверждающие, старался дать им возможную ясность и поставить их во всей их блистательности и прелестности, дабы тем явнее могла быть их слабая сторона, если она есть, и оказалось неправильное суждение, если где оно возгнездилося» (II, 97).

«Слабая сторона» материалистических аргументов заключается, по мнению Радищева, в том, что они основаны всецело на доводах разума, тогда как в суждениях о жизни и смерти человек должен руководствоваться внутренним своим «чувствова-

Я смерти жду, как брачна дня;
Умру и горести забуду,
В объятиях твоих я паки счастлив буду.
Но если ж то мечта, что сердцу льстит маяя,
И ненавистный рок отъял тебя на веки,
Тогда отрады нет, да льются слезны реки.

(I, 123)